

Экономические методы воплощаются через выплату государственных пособий семьям, воспитывающим детей, программу семейного капитала семьям при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей и др.

Внутрисемейные отношения регламентируются, как правило, неправовыми нормами. Поэтому в государственном управлении метод убеждения обладает огромным потенциалом регулирующего воздействия на поведение участников указанных отношений. Проанализировав содержание отдельных программно-правовых документов Республики Беларусь [7] целесообразно выделить следующие социально-психологические способы:

1) пропаганда семейных ценностей (проведение конкурсов, акций «Семья года», «Многодетная семья года», «Вместе – в защиту жизни», «Безопасное детство», реализация проекта «Большой завтрак» и др.);

2) обучение (проведение семинаров для молодых семей на тему «Престиж семьи в обществе – основная составляющая демографической безопасности страны», тематических встреч для молодых семей «Здоровье ребенка и микросоциум» и др.);

3) разъяснительная работа (проведение акций по консультированию семей, воспитывающих несовершеннолетних детей, нотариусами, юристами, работниками органов, регистрирующих акты гражданского состояния, ко Дню Конституции и т.д. на безвозмездной основе);

4) пропаганда (создание и размещение социальной рекламы, направленной на популяризацию традиционных семейных ценностей и укрепление связей между поколениями, профилактику аборт).

Разновидностью метода поощрения является награждение Орденом Матери женщин, родивших и воспитавших пять и более детей.

Заключение. В области государственного управления семейными отношениями используются методы убеждения, принуждения и поощрения. Огромным потенциалом регулирующего воздействия на поведение участников указанных отношений обладает метод убеждения.

1. Мах И.И. Административное право: курс лекций / И.И.Мах. – Минск : Амалфея, 2012. – 640 с.
2. Тихомиров, Ю.А. Модернизация административного права: от «наказательности» к «регулирующему обеспечению» / Ю.А.Тихомиров // Административное право и процесс. – 2015. – № 4. – С. 5–11.
3. Осинцев, Д.В. О методологии исследования предмета административного права / Д.В.Осинцев // Административное право и процесс. – 2016. – № 1. – С. 10–15.
4. Семашко, И.И. О соотношении административного права и семейного права / И.И.Семашко // XX Междунар. науч. конф. молодых ученых: материалы конф., Минск, 13–14 апр. 2017 г. // Гос. ин-т управления и социальных технологий БГУ; редкол. : В.В.Манкевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : ГИУС БГУ, 2017. – С. 189–190.
5. Административное право : учеб. / Л.М.Рябцев [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 607 с.
6. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
7. Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 марта 2016 г., № 200 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

О ДИНАМИКЕ И ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В.Г. Стаценко

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Теория причинности преступности, несмотря на кардинально различающиеся концептуальные подходы к объяснению природы и детерминации преступного поведения (социологическое, антропологическое, психологическое направления), традиционно является стержневой в криминологической доктрине.

Следует отметить, что в отличие от западной криминологии, в которой основное внимание уделяется, прежде всего, исследованию индивидуальной психологии человека, совершающего преступление, и взаимодействия этого человека с его непосредственным окружением, для отечественной криминологической школы характерно стремление к разработке универсальной

теории причинности преступности как массового социального явления. Как замечает Д.А. Шестаков, основательно разработанная теория причинности, увязывающая объяснение конкретных криминологических феноменов (корыстные, насильственные преступления, вкритичность тех или иных слоев населения) с общесоциальной проблематикой, в западной криминологии отмечающаяся только в отдельных частных криминологических теориях (социальной дезорганизации, стратификации), представляет собой «отличительную черту именно российской, советской криминологии» [1, с. 88].

Такой же отличительной чертой отечественной школы криминологии следует полагать преимущественно социологический подход к проблеме причинности преступности, основанный на анализе наиболее значимых криминологически социальных противоречий общественной структуры, политики, экономики, духовно-нравственной сферы, института семейных отношений, досугово-бытовой сферы, законодательства и т.д., и, фактически, игнорирующий биопсихологические детерминанты преступности, а также имманентно присущие ей закономерности развития. Исключения здесь немногочисленны, в современной криминологии к ним можно отнести исследования Ю.М. Антоняна, Я.И. Гилинского, и некоторых других авторов.

Вся история развития криминологического знания свидетельствует о том, что любые попытки создания всеобъясняющей универсальной теории причинности преступности и преступного поведения неизбежно оказывались безуспешными. Вместе с тем, как справедливо замечает Я.И. Гилинский, оставить преступность без каких бы то ни было объяснений – значит отказаться от криминологии как науки. По его мнению, будущее криминологии – за новой, «сумасшедшей» теорией, которая вышла бы за пределы существующих парадигм криминологии как «нормальной науки» (и потому первоначально была бы категорически отвергнута) [2, с. 171].

Кризис традиционных представлений о причинности преступности проявился, в частности, в последние годы в возобновлении дискуссии в криминологической среде о роли и значении социально-экономических факторов в детерминации преступности и преступного поведения, порожденной феноменом т.н. «великого снижения преступности» (great crime drop) в начале 21 века.

Впервые тенденцию снижения преступности отметили в конце 90-х годов в США - после устойчивого роста преступности в течении всей второй половины XX века, к началу 2000-х годов официально регистрируемая преступность здесь снизилась более чем на 70%. К середине т.н. нулевых годов стало очевидным, что тренд на снижение преступности затрагивает практически все развитые страны и значительную часть стран развивающихся, включая постсоветские государства.

Целью данной публикации является анализ факторов, определяющих указанные тенденции современной преступности.

Материал и методы. Работа выполнена на основе компаративистского метода анализа криминологических публикаций, формулирующих гипотезы различного уровня сложности, объясняющие феномен снижения преступности на современном этапе цивилизационного развития.

Результаты и их обсуждение. В современной криминологической литературе спад преступности обосновывается, в частности:

экономическим ростом и, связанным с ним, подъемом уровня и качества жизни большинства населения;

усилением эффективности социального контроля и, прежде всего, деятельности правоприменительных органов;

легализацией аборт и повсеместным распространением контрацептивных средств (потенциальные преступники из малообеспеченных и маргинализованных семей не рождаются);

демографическим спадом (среди преступников преобладают лица молодежного возраста, а развитые страны стареют);

технологическим развитием средств безопасности (камеры наружного наблюдения, GPS-трекеры, сигнализация и т.п. технологии);

развитием Интернета и социальных сетей (снижение показателей преступности происходит от того, что «уличная преступность» (а это, как правило, молодые люди), «переместилась» в Интернет) и т.п. [3].

Тенденции снижения преступности, отсутствие видимой корреляции динамики преступности с фазами социально-экономического развития, привели к появлению представлений о том, что господствовавшее многие годы в криминологии положение об обусловленности преступности, прежде всего безработицей и нищетой, сегодня безнадежно устарело [4, с.44].

К такого рода выводам, следует, на наш взгляд, относиться критически.

Преступность и ее динамику определяет сложный комплекс условий, носящих объективный характер и, в целом, криминогенно нейтральных, и причин, выражающихся в совокупности криминогенных мотиваций, проявляющихся на уровне общественной и индивидуальной психологии. Эти условия и причины в совокупности образуют криминогенный (причинный) комплекс, имеющий сложную социо-био-психологическую природу и включенный в систему общества в целом.

Среди базовых (экономических, социальных, политических, культурных, идеологических, правовых и пр.) условий, детерминирующих перманентное воспроизводство преступности, особое место по-прежнему занимают противоречия в сфере экономических отношений и отношений собственности: неравномерность распределения - экономическое неравенство – различия в доходах и уровне жизни.

Социальное неравенство, которое обостряет социальные противоречия, продолжает являться и в современных условиях основным фактором воспроизводства преступности.

К наиболее значимым социально-экономическим условиям преступности можно отнести:

- относительно низкий уровень жизни значительной части населения, имеющий устойчивый характер;
- наличие маргинальных слоев населения (свыше 60% преступлений совершается неработающими и неучащимися);
- имущественная поляризация населения.

Важнейшим криминогенным фактором, порождаемым социально-экономическими условиями, является противоречие («напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, т.е. степень социально-экономической дифференциации и неравенства.

Заключение. Объективный криминологический анализ детерминант преступности невозможен без понимания того, что преступность, как явление, обладает своими внутренними закономерностями, которые определяют особенности ее проявления на определенных этапах развития общества, вне прямой зависимости от «внешних» обстоятельств социального, экономического, политического и т.п. характера. Ее изменения не повторяют автоматически изменения внешних условий, а являются результатом их преломления через ее собственные специфические характеристики.

Именно эти характеристики (внутренние закономерности), а также их взаимосвязь с другими общественными явлениями (в экономической, социальной, социокультурной сферах) и следует, прежде всего, выявлять и исследовать, анализируя детерминанты современной преступности.

1. Шестаков, Д.А. Возвращение к криминологической теории причинности / Д.А.Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2015. - № 2. - С. 88-97
2. Гилинский, Я.И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К.Маркса до С.Олькова) / Я.И.Гилинский // Экономика и право / ред. А. Заостровцев. - СПб.: Наука, 2009. - С.169-188
3. См.: Criminology in the 21st Century: a Necessary Balance Between Freedom and Security. Book of Abstracts. - Bilbao, 2012. - P. 236, 268, 373; Greenfield, S.A. Influence of New Media on Human Brain / The Influence of New Media on Consciousness and Behavior of Youth // International Research and Practice Web-Conference Proceedings (Tomsk State University, May 29–31, 2012). - TSU, 2012. - P.145–151; Ливайн, М. Разбитые окна, разбитый бизнес: Как мельчайшие детали влияют на большие достижения / М.Ливайн. - М.: Альпина Паблишер, 2015. — 151 с.
4. Гилинский, Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы / Я.И.Гилинский // Российский ежегодник уголовного права. - № 7. - 2013 / под ред. В.Ф. Щепелькова. СПбГУ, 2013. - С. 42–58

ФАКТОРЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

*А.А. Сухарев, В.В. Янч
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Подростковый возраст отличается повышенной виктимогенностью. В этой связи несовершеннолетних включают в социальную группу риска с высоким уровнем виктимности. Многие учёные считают, что в настоящее время актуальным является системное исследование виктимности молодёжи как социального, биологического и психологического деформационного отклонения, закреплённого в привычных формах индивидуального поведения.